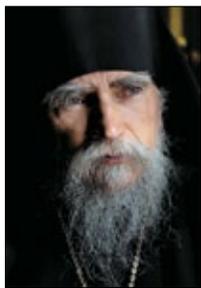


Священномученик Христофор (Надеждин) 21.02.1869–26.05.1922



**Архимандрит
Дамаскин
(Орловский),**
ответственный
секретарь
Церковно-
общественного
совета
при Патриархе
Московском
и всея Руси
по увековечению
памяти ново-
мучеников
и исповедников
Церкви Русской,
руководитель
фонда «Память
мучеников
и исповедников
Русской
Православной
Церкви», клирик
храма Покрова
Божией Матери
на Лыщиковой
горе (Москва),
www.fond.ru

Весной 1922 года усилились гонения на Русскую Православную Церковь. Предлогом для них послужил разразившийся в России голод и якобы существующее сопротивление духовенства и верующих помощи голодающим. Во многих городах, включая Москву, прошли аресты священнослужителей и мирян. С 26 апреля по 8 мая в Политехническом музее в Москве проходил суд над духовенством и прихожанами московских храмов.

8 мая 1922 Сталин подал записку членам Политбюро: «Московский суд приговорил к расстрелу одиннадцать человек, из них большинство попы. <...> Каменев предлагает ограничиться расстрелом двух попов. Прошу голосовать “за” или “против” предложения <...> Каменева. Я лично голосую против отмены решения суда». Голосование членов коммунистического Политбюро показало, что Ленин, Троцкий, Сталин и Зиновьев были за смертный приговор. Среди приговоренных был и настоятель храма Иоанна Воина на Якиманке протоиерей Христофор Надеждин.

Священномученик Христофор родился 21 февраля 1869 года в селе Нижний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии в семье священника Алексея Надеждина. Первоначальное образование Христофор получил в Зарайском духовном училище; в 1889 году он окончил Рязанскую духовную семинарию и был назначен учителем пения и чиstopисания в Данковское духовное училище.

В 1892 году Христофор Алексеевич поступил в Московскую духовную академию. Усиленные занятия учебными предметами и одновременно подготовка материалов для кандидатской диссертации, начатая им почти сразу же после поступления в ака-

демию, привели к расстройству здоровья, и врач академии настоял на том, чтобы отправить его на лето 1895 года в Самарскую губернию для лечения кумысом.

В 1897 году Христофор Алексеевич окончил Московскую духовную академию и защитил диссертацию на тему «Очерк истории православной полемической против раскола литературы XVII и начала XVIII веков (до учреждения Святейшего Синода)», и получил степень кандидата богословия. Исполняющий должность доцента Московской духовной академии Илья Михайлович Громогласов писал в отзыве на эту работу: «Обращаясь к оценке рассматриваемого сочинения, нельзя не отозваться с большой похвалой, прежде всего о замечательном научном трудолюбии автора. <...> Признавая необходимым дать своему исследованию возможную полноту в подборе изучаемого материала, он не только собрал и обследовал в библиографическом отношении все известные в печати полемические памятники взятой эпохи <...>, но и успел отыскать частью в академической библиотеке, а главным образом, в различных книгохранилищах Москвы и Петербурга, иногда в нескольких списках, немалое число новых источников, доселе остававшихся совершенно неизвестными исследователям».

Учась в академии, Христофор Алексеевич подружился с Иваном Васильевичем Успенским — в будущем замечательным архипастырем-подвижником и исповедником, архиепископом Тверским Фаддеем, — взгляды которого на аскетический подвиг, на непрестанную борьбу с помыслами, на ревностное служение Богу были ему очень близки.

10 февраля 1899 года Христофор Алексеевич поступил на должность законоучителя земской школы в родном селе Нижний Белоомут. 23 февраля 1900 года он был назначен заведующим школьными религиозно-нравственными чтениями по воскресным и праздничным дням. 22 апреля того же



**«...До такой степени мы упали нравственно, что справедливо
грядет на нас суд Божий, этот суд выражается, может быть,
и в предполагаемом ВЦИКом изъятии церковных ценностей
для оказания помощи голодающим и в том, что изъятые
вещи могут не попасть на помощь голодающим....»**

Из проповеди священномученика Христофора
накануне дня Торжества Православия.
На основании нее он был арестован,
а впоследствии — расстрелян.



Чудовищный голод в Поволжье стал поводом для Советской власти максимально ограбить и по-возможности ослабить Русскую Церковь. «...Изъятие ценностей... должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь... Чем большее число представителей... реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», — писал Ленин.

▲ *Изъятие церковных ценностей в двадцатые годы*

года он получил назначение на должность заведующего женской церковноприходской школой села Нижний Белоомут.

10 июля 1900 года епископ Рязанский Полиевкт (Пясковский) рукоположил Христофора Алексеевича во диакона и на следующий день — во священника к Преображенской церкви села Нижний Белоомут.

23 июня 1902 года отец Христофор был назначен священником в Предтеченскую церковь в Староколюшенном переулке в Москве и законоучителем гимназии имени Медведниковых. 10 июля 1906 года он был переведен в храм Иоанна Воина на Якиманке, в котором прослужил до своей мученической кончины. Кроме священнических обязанностей, которые он исполнял весьма ревностно, неустанно проповедуя слово Божие, отец Христофор нес послушание законоучителя сначала в женской гимназии Ломоносовой, а впоследствии в женской гимназии Гельбик.

В течение 1915–1916 годов отец Христофор проводил внебогослужебные беседы с народом, на которых присутствовало иной раз до трехсот человек. Всего приход храма мученика Иоанна Воина насчитывал в то время около двух тысяч человек.

3 января 1921 года отец Христофор был назначен благочинным. 23 марта 1922 года власти арестовали священника, обвинив его в том, что 4 марта он произнес в храме проповедь, в которой сказал, что наступившая разруха есть следствие нравственного падения народа, а также прочел в храме воззвание Патриарха Тихона, касающееся изъятия церковных ценностей, и распространил его в храмах благочиния.

Отвечая на вопросы следователя, отец Христофор сказал: «Виновным себя в агитации против постановления ВЦИКа об изъятии церковных ценностей не признаю. Моя проповедь 4 марта 1922 года за всеобщим бдением — это объяснение церковного названия наступающего воскресного дня — Недели Торжества Православия: “Мы с вами заурядные чада Православной Церкви... К чему приводит практически непослушание Церкви? — К разрухе, которую мы наблюдаем в нашей современной жизни. До такой степени мы упали нравственно, что справедливо грядет на нас суд Божий, этот суд выражается, может быть, и в предполагаемом ВЦИКом изъятии церковных ценностей для оказания помощи голодающим и в том, что изъятые вещи могут не попасть на помощь голодающим...”

Воззвание Патриарха Тихона в моей приходской церкви и в церквях благочиния читалось,



в моей церкви мною лично — 12 марта после литургии. <...> Воззвание Патриарха было мне доставлено до двух раз: в первый раз в четырех экземплярах, во второй раз в двух экземплярах — в том и другом случае через неизвестных мне лиц, но, несомненно, от высшей церковной власти. <...> Мною через верующих воззвание было разослано по церквям благочиния».

Отвечая на вопросы обвинителей в зале суда, отец Христофор сказал: «Воззвание Патриарха Тихона я считаю религиозным. Контрреволюционного в нем ничего не вижу. 4 марта в церкви я произнес проповедь религиозного характера, в которой говорил, что мы пришли к упадку и что изъятие ценностей есть грядущий суд Божий за наши грехи».

7 мая подсудимым было предложено сказать последнее слово. Отец Христофор сказал: «По моему мнению, человек, который бывает в храме, слышит слово Божие, должен помогать бедным. <...> Я считал своим святым долгом призывать свою паству к этой священной обязанности, и не проходило ни одного большого праздника, чтобы я не призвал помогать голодающим. <...> По отношению к приходу я не позволял себе получать плату за требы. <...> Отделение Церкви от государства я приветствую <...>, приветствовал всегда. В ту минуту, когда

Церковь отделяется от государства, священник становится свободнее».

8 мая 1922 года судья зачитал приговор трибунала: одиннадцать человек были приговорены к расстрелу и среди них — священник Христофор Надеждин.

После суда все приговоренные к расстрелу были доставлены в Бутырскую тюрьму, размещены в одиночных камерах и лишены прогулок. После того как стало известно, что исполнение смертного приговора было приостановлено, осужденные подали ходатайства о смягчении условий содержания, но они были тюремной администрацией отклонены.

9 мая 1922 года Патриарх Тихон направил ходатайство председателю ВЦИКа Калинину о помиловании осужденных. «В силу определения Всероссийского Собора <...>. — писал он, — имею долг печаловаться пред Вами, как представителем высшей государственной власти, о помиловании осужденных, тем более что инкриминируемого послания они не составляли, сопротивления при изъятии не проявляли и вообще контрреволюцией не занимались».

11 мая снова состоялось заседание Политбюро относительно приговоренного духовенства. На следующий день Троцкий подал в Политбюро свои предложения, которые заключались в следующем: «Всемерно использовать настоящий критический момент для опубликования воззвания от имени прогрессивной части духовенства <...>, разбить тем временем приговоренных на две группы, как на основании обстоятельств, вытекающих из дела, так и на основании отзывов и ходатайств лояльных священников, которые подпишут воззвание».

В тот же день лидеры обновленцев, «считая приговор трибунала <...> в высшей степени справедливым», как они о том написали, подали ходатайства во ВЦИК о помиловании приговоренных к расстрелу.

14 мая председатель Московского ревтрибунала, заместитель наркома юстиции, заместитель председателя ГПУ и Лев Троцкий составили заключение по делу приговоренных к расстрелу священников. «При исключении из списка 11-ти осужденных к высшей мере наказания остальных 6-ти лиц, — писали они, — комиссия руководствовалась исключительно соображениями о возможности с наименьшим ущербом для существа приговора, справедливого по отношению ко всем 11-ти, пойти максимально навстречу ходатайству прогрессивного духовенства».

Обновленцы надеялись, что поданные ими ходатайства о помиловании будут — из-за тесного сотрудничества их с властями — удовлетворены полностью и таким образом всем будет показано, что именно их политика взаимоотношений с советской властью приносит плоды. Но властям было важнее пролить кровь невиновных и отрезать обновленцам путь к отступлению. 18 мая 1922 года Политбюро приняло окончательное решение о расстреле приговоренных.

Протоиереи Василий Соколов, Христофор Надеждин, Александр Заозерский, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров были расстреляны и погребены на пустыре вблизи Калитниковского кладбища. ☩.